

УДК 821.161.1

DOI 10.30914/2072-6783-2022-16-3-405-410

АВТОР И ПЕРСОНАЖ В СПОСОБНОСТИ СУЖДЕНИЯ (ПОВЕСТЬ «МЫСЛЬ» Л. Н. АНДРЕЕВА)**И. П. Карпов, Г. Е. Шкалина***Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация*

Аннотация. Введение. Литературно-художественное произведение чаще всего исследуется со стороны содержания, образности и поэтики. Но такие писатели, как Л. Н. Андреев, большое внимание уделяют рациональным способностям человека. **Цель** работы заключается в том, чтобы на примере повести «Мысль» Л. Н. Андреева понять взаимодействие двух способов суждения (мышления) – автора и персонажа. Может ли автор наделить своего персонажа иным способом мышления, нежели таким, каким он обладает сам. **Материалы и методы.** В данном исследовании анализируется логическая структура высказываний главного персонажа повести «Мысль». Литературно-художественное произведение рассматривается как словесно-образная форма объективации экзистенциальных сил автора. В свою очередь автор понимается как субъект литературно-художественной деятельности. Такой – авторологический – метод позволяет понять эмоциональные и рациональные авторские интенции. **Результаты исследования, обсуждения.** Понимание автора как субъекта словесно-логической деятельности позволяет выйти за рамки собственно филологии и вступить в сферы антропологии, потому что именно в литературно-художественном произведении наиболее полно объективируется человеческая способность к словесному высказыванию. **Заключение.** Интенциональное содержание мышления персонажа находится в сфере автора, потому что автор не может приписать своему персонажу то, чем сам не обладает. Здесь мы уже имеем дело с логикой повествования, в которой объективируется та же логическая игра, что и в логике рассуждений героя, т. е. своеобразии авторской способности суждения. Автор наделяет своего героя многочисленными высказываниями о «силе», «красоте» мысли. Но в повествовании ситуация интеллектуального переживания подменяется ситуацией психической трансформации.

Ключевые слова: Л. Н. Андреев, мысль, суждение, автор как субъект словесно-логической деятельности, ситуация интеллектуального переживания, ситуация психической трансформации

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Карпов И. П., Шкалина Г. Е. Автор и персонаж в способности суждения (повесть «Мысль» Л. Н. Андреева) // Вестник Марийского государственного университета. 2022. Т. 16. № 3. С. 405–410. DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2022-16-3-405-410>

**THE AUTHOR AND THE CHARACTER IN THE ABILITY OF JUDGMENT
(THE STORY “THOUGHT” BY L. N. ANDREEV)****I. P. Karpov, G. E. Shkalina***Mari State University, Yoshkar-Ola, Russian Federation*

Abstract. Introduction. Literary and artistic work is most often studied from the point of view of content, imagery and poetics. But such writers as L. N. Andreev pay great attention to the rational abilities of a person. **The purpose** of the work is to use the example of L. N. Andreev’s story “Thought” to understand the interaction of two ways of judgment (thinking) – the way of the author and of the character. **Materials and methods.** In this study, the logical structure of the statements of the main character of the story “Thought” is analyzed. A literary and artistic work is considered as a verbal and figurative form of objectification of the author’s existential forces. In turn, the author is understood as a subject of literary and artistic activity. Such an authorological method makes it possible to understand the emotional and rational author’s intentions. **Research results, discussions.** Understanding the author as a subject of verbal and logical activity allows us to go beyond philology and enter the sphere of anthropology, because it is in a literary and artistic work that the human ability to verbal utterance is most fully objectified. **Conclusion.** The intentional content of the character’s thinking is in the author’s sphere, because the author cannot attribute to his character something that he himself does not possess. Here we are already dealing with the logic of the narrative, in which the same logical game is objectified as in the logic of the hero’s reasoning, i.e. the originality of the author’s ability to judge. The author gives his hero numerous statements about the “power”, “beauty” of thought. But in the narrative, the situation of intellectual experience is replaced by the situation of mental transformation.

Keywords: L. N. Andreev, thought, judgment, the author as a subject of verbal and logical activity, the situation of intellectual experience, the situation of mental transformation

The authors declare no conflict of interest.

For citation: *Karpov I. P., Shkalina G. E.* The author and the character in the ability of judgment (the story “Thought” by L. N. Andreev). *Vestnik of the Mari State University*. 2022, vol. 16, no. 3, pp. 405–410. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2022-16-3-405-410>

Леонид Николаевич Андреев (1871–1919), юрист по образованию, после учебы в Московском университете некоторое время работал помощником присяжного поверенного, писал корреспонденции из зала суда. Неслучайно поэтому в его произведениях часто воссоздаются криминальные ситуации, некоторые рассказы и повести написаны в форме «отчетов» персонажей о своих преступлениях. Это прежде всего – повесть «Мысль» (1902). Но тяготение Андреева к персонажам-преступникам объясняется и особенностями его психического склада, эмоциональным комплексом «безумия и ужаса», стремлением проникнуть в пограничные психические состояния.

Поэтому естественно, что уже при жизни писателя к анализу его произведений обращались не только критики, литературоведы, но и психологи, психиатры, юристы – Д. А. Аменицкий [1, с. 223–250], И. П. Баранов [4, с. 5–85], М. О. Шайкевич [11, с. 101–138], А. Е. Янишевский¹ и другие.

Однако сам Андреев писал критику А. А. Измайлову: «Кстати: я ни аза не смыслю в психиатрии и ничего не читал для “Мысли”» (31 августа 1902 года)².

Конечно, объясняя интерес Андреева к психическим состояниям убийцы, необходимо иметь в виду и популярные на рубеже XIX–XX веков книги «Гениальность и помешательство» Ч. Ломброзо (1863), «Вырождение» М. Нордау (1892), «Так говорил Заратустра» Ф. Ницше (1883), психоанализ З. Фрейда, книги, близкие к криминологическим темам.

Андреевские «пограничные» персонажи и такие произведения, как повесть «Мысль», до сих пор привлекают внимание исследователей [9; 10, с. 3–11; 6, с. 302–310].

Леонида Андреева постоянно интересовала не только психология человека, но и его особенности рационального постижения мира и словесно-логического самовыражения [10]. Главный герой повести «Мысль» «докторе медицины» Керженцев, убивший человека, наделяется автором определенным способом мышления, его записки – развернутые рассуждения, попытка рационально оправдать себя. И в связи с этим возникает ряд проблем, интересных и важных для литературоведа. Прежде всего: как соотносятся способ мышления автора и способ мышления персонажа, которые обнаруживаются в высказывании в форме суждения. Может ли автор «перевоплотиться» в чужое мышление? Может ли автор перевоплотиться в чужое видение мира? [7, с. 26–42]. Таким образом, там, где большинство исследователей обращают внимание на идейное содержание, психологизм или образность, мы сосредоточимся на логическом аспекте повествования, на авторе и персонаже как субъектах логической деятельности [5, с. 112–120]. Актуализируемый нами художественный материал и аналитический метод могут быть интересны не только литературоведам, но и представителям других наук, например, юриспруденции, психологии, логики.

В отечественной науке, конечно, существуют работы, в которых в общетеоретическом плане способность суждения понимается как «мышление», т. е. способность человека «выявлять *своего* эмпирических объектов, осуществлять *анализ* и *синтез*, выдвигать *гипотезы*, формулировать *концепции* и *теории*, давать *объяснение* уже имеющемуся *знанию* и получать новое *знание* и так далее»³.

¹ Янишевский А. Е. Герой рассказа Леонида Андреева «Мысль» с точки зрения врача-психиатра. (Публичная лекция, читанная в актовом зале Казанского Университета 12 апреля 1903 г. в пользу пансионата Общества взаимопомощи сельских и городских учителей и учительниц). Казань : Типо-литография Императорского Университета, 1903. 31 с.

² Письма Л. Н. Андреева к А. А. Измайлову / Публикация В. Гречнева // Русская литература. 1962. № 3. С. 198. URL: <https://bibliorossica.com> (дата обращения: 16.06.2022).

³ Логический словарь: ДЕФОРТ (дедуктивная формализация теорий) / Сост. В. Н. Переверзев. М. : Мысль, 1994. С. 148.

В плане логическом – мышление обнаруживается в форме суждения, т. е. в приписании предиката имени: «Имя – предикат, имя – предикат, имя – предикат и так далее, до бесконечности, – это и есть человеческая речь, человеческое мышление» [3, с. 129].

Способность суждения в принципе – это область авторского мышления. Автор может объективировать только свою собственную способность суждения.

Однако, будем иметь в виду, что в художественном творчестве и, в частности, в произведениях Андреева воспроизводится не столько способность суждения, сколько описывается *интеллектуальное переживание*, эмоции нравственного характера, которые сопровождаются определенными рассуждениями. Это означает, что способность суждения (логика) постоянно сопрягается с проблемами нравственными. Эта проблема затрагивалась в первых же книгах о Леониде Андрееве [2].

Наиболее полно проблема логики и нравственности раскрывается в повести «Мысль». Главный персонаж (доктор Керженцев) убил своего друга писателя Савелова, жену которого он к тому же любит. Свой поступок Керженцев мотивирует следующей лжелогической структурой, в которой можно вычленивать три умозаключения.

1-е умозаключение: Субъект суждения – человек. 1-я посылка: Жизнь – это «мы», люди сильные, творящие новую жизнь. 2-я посылка: Савелов – слабый, «только описывает старое». Следовательно: Савелов – вне жизни, его можно убить.

После того как в начале первого листа своих «письменных объяснений» Керженцев дает мотивировку убийства, Савелов в его рассуждениях выступает только в качестве жертвы.

Мотивировка посылок строится следующим образом. Люди разделяются на две категории. Первая – сам Керженцев, принадлежащий к породе людей твердой воли, сильных умственных способностей, профессионально талантливых. «Я, этот сильный человек, который никогда не плакал, который никогда ничего не боялся...» [2, с. 384]¹. Вторая категория – Савелов: «удивительная мягкость и податливость натуры», «странное непостоянство в области мысли и чувства, резкая крайность и необоснованность его постоянно меняющихся суждений», неспособ-

ность «ко всему крупному», профессиональная (писательская) несостоятельность (бездарность).

Произведения Савелова «не были нужны для жизни». «Они нужны были и интересны для сотни ожиревших людей, нуждающихся в развлечении, но не для жизни, не для нас, пытающихся разгадать ее» [2, с. 386].

В основе умозаключения Керженцева – разделение людей на две категории (третья: «собаки и женщины» – только упоминается) по чисто личностному основанию: «сильные» включаются в жизнь, «слабые» из жизни исключаются. Естественно, что последних можно убить.

Это самое последовательное умозаключение Керженцева: обе посылки исходят из одного основания – личностного.

2-е умозаключение: Субъект суждения – действие по отношению к человеку. 1-я посылка: Убийство человека – преступление. 2-я посылка: Все в жизни человека – преступление. Следовательно: Человека можно убить.

Мотивировка посылок: «Самый факт отнятия жизни у человека не останавливал меня. Я знал, что это преступление, строго караемое законом, но ведь почти все, что мы делаем, преступление, и только слепой не видит этого. Для тех, кто верит в Бога, – преступление перед Богом; для других – преступление перед людьми; для таких, как я, – преступление перед самим собою» [2, с. 387].

3-е умозаключение: Субъект суждения – способность объекта действия. 1-я посылка: Убийца боится себя, совершившего убийство. 2-я посылка: Я не боюсь себя, совершившего убийство. Следовательно: Я могу убить и остаться ненаказанным.

Мотивировка посылок: убийца боится себя, совершившего убийство, – в силу того, что у него могут не выдержать нервы или он не перенесет угрызений совести, тем самым обнаружит себя. Керженцев «принимает в расчет», что у него сильные нервы, «крепкая неистощенная нервная система»; «ходящую мораль» он глубоко и искренне презирает. В качестве подтверждения своей самооценки он приводит случай из жизни, когда он крадет деньги у товарищей-студентов: «Но более всего я был горд тем, что совершенно не испытываю угрызений совести...» [2, с. 388].

Мотивировка умозаключений исходит из следующих положений.

Керженцев не сомневается в своем делении людей на две категории, не рассуждая по этому

¹ Текст повести цитируем по изданию: Андреев Л. Н. Собр. соч. : в 6 т. М. : Худож. лит., 1990–1996. Т. 1 – с указанием страниц после цитаты.

поводу. Таким образом, несмотря на высокую оценку своих умственных способностей, своего рационализма, он не рефлектирует существенные основы построений своих умозаключений.

Он приписывает себе возможность и право решать, что нужно для жизни, а что нет, какие люди нужны, какие нет. И это опять же не подвергается анализу.

Он указывает читателю (экспертам) «правильный, нормальный путь» своих рассуждений, но не видит глубоких противоречий своей мысли.

Посылки Керженцева строятся на противопоставлении принятой обществом системы ценностей и своей собственной. Первая отрицается, вторая принимается «на веру».

В задачу рассуждений Керженцева входит объяснить «истину», отвергая одни критерии истины (религиозный принцип, веру в Бога; общественную норму, закон), соглашаясь с другими, главный из которых – «преступление перед самим собою». С этой последней точки зрения: «Было бы большим преступлением, если б, признав необходимость убить Алексея, я не выполнил этого решения» [2, с. 387]. В этом случае Керженцев бы нарушил тот закон, который он определил для себя: действие должно последовать за логическим решением. В такой логике эмоция, рассуждение, действие не согласуются между собой.

Керженцев постоянно не учитывает, что в основе его логических конструкций лежит эмоция – обида на женщину, которая отвергла его, предпочла Савелова. Позиция Татьяны Николаевны исключается из логики таким соображением: «когда женщина влюбляется, она становится невменяемой», т. е. не действует по законам логики. Следовательно, ее волей можно пренебречь. Вместо того чтобы оценить чужую силу и ум, т. е. его, Керженцева, Татьяна Николаевна любит Савелова. Она – «рабская натура». Зачем любить такую «натуру» – это, как и многое другое, находится вне сферы размышлений героя.

Нравственное обоснование поступка – любовь, убийство – оказывается вне логической сферы, тем самым логика отрывается от нравственности. *В этом случае человеческое мышление способно сотворить самые невероятные посылки, мотивировки и умозаключения.*

Но в такой ситуации главную роль играет автор, который наделяет своего героя определенной способностью суждений. «В то время как писатель силою своей мысли и таланта должен

творить новую жизнь, Савелов только описывает старую, не пытаясь даже разгадать ее сокровенный смысл» [2, с. 386]. Почему писатель должен творить «новую жизнь»? Что такое «сила ума», «сила таланта», «мысль», «новая жизнь», «старая жизнь», «смысл», «сокровенный смысл»... Все эти слова-понятия совершенно произвольно используются героем.

Мысль героя на них не направлена, но интенциональное содержание мышления находится в сфере автора, потому что *автор не может приписать своему персонажу то, чем сам не обладает*. Здесь мы уже имеем дело с логикой повествования, в которой объективируется та же логическая игра, что и в логике рассуждений героя, т. е. *своеобразие авторской способности суждения*.

А именно. Автор ставит героя в ситуацию игры – «два в одном»: Керженцев «заподозрен» в ненормальности «умственных способностей», в то же время именно ему дается возможность обнаружить свои умственные способности. Керженцев сначала доказывает, что он вполне здоров, а потом, что он – сумасшедший. Автор продолжает эту игру героя: «Экспертов-психиатров было вызвано четверо, и мнения их разделились поровну» [2, с. 420].

Цель повествования – не ответить на вопрос, почему и как убил Керженцев Савелова, и даже не объяснение героем своего поступка, но – рациональное обоснование героем своего поступка, т. е. автор как бы создает модель мышления героя. Но эта «модель» аналогична «модели» авторского мышления, воплощенной во всем произведении.

Ситуативное положение героя – авторское: герой – в больнице (в тюрьме), герой – в форме повествования от первого лица, герой – в сфере интеллектуального переживания, герой – в форме рассуждений, обращенных к конкретному адресату – «гг. экспертам».

Автор наделяет своего героя многочисленными высказываниями о «силе», «красоте» его мысли.

«Невинная в своей красоте, она (мысль – И. К., Г. Ш.) отдавалась мне со всей страстью, как любовница, служила мне, как раба, и поддерживала меня, как друг. Не думайте, что все эти дни, проведенные дома в четырех стенах, я размышлял только о своем плане. Нет, там все было ясно и все продумано. Я размышлял обо всем. Я и моя мысль – мы словно играли с жизнью и смертью и высоко парили над ними» [2, с. 404].

Главное: каково содержание этой «игры», этого «парения» – об этом не сообщается.

Реально мысль героя проявляется в суждениях типа: «Одно только я твердо помню – это мысль, или голос, или еще что-то: “Доктор Керженцев думал, что он притворяется сумасшедшим, а он действительно сумасшедший”» [2, с. 401].

Особенность авторской игры с героем увидели и обосновали прежде всего психиатры, современники писателя.

М. О. Шайкевич зачислил Керженцева – «в несчастную, нешаблонную категорию высших дегенератов, близкую параноическому типу, у которых воля, как действенная часть души, часто бывает достаточной напряженности и является покорной их чрезмерно, односторонне и криво развившегося ума» [11, с. 122].

Действительно, в повести ситуация интеллектуального переживания в итоге сменяется ситуацией психической трансформации (сумасшествие персонажа).

Сначала Керженцев, решив симулировать умопомешательство, верит в силу своей мысли, «наслаждался отчетливой, могучей работой своей мысли» [11, с. 404], верит в то, что сможет «переплотиться» в сумасшедшего и все-таки остаться в здравом уме, хотя понимает: «Сумасшествие – это огонь, с которым шутить опасно» [11, с. 392]. Мысль о том, что он действительно сумасшедший, поражает его сознание.

«Из головы, где я крепко держал ее, она ушла в тайники тела, в черную и неизведанную его глубину. И оттуда она кричала, как посторонний, как бежавший раб, наглый и дерзкий в сознании своей безопасности» [11, с. 409], т. е. мысль о собственном сумасшествии ушла в подсознание, точнее в нервно-психическую область. Такой же прием «переноса» героя из одной ситуации в другую уже был опробован автором в рассказе «Ложь» (из ревности – в сумасшествии).

Автор, постоянно используя слова «мысль», «думать», «мозг», изображает не собственно процесс мышления как обдумывание какой-либо общественно значимой проблемы, но определенное психическое состояние, в котором «мысль» уравнивается с «голосом» или с «еще что-то».

Многочисленные отдельные детали и повествовательные приемы говорят о родственности повести «Мысль» многим другим произведениям Андреева, посвященным ситуации интеллектуального переживания – («Рассказ о Сергее Петровиче», «Рассказ о семи повешенных», пьесы «Мысль», «Собачий вальс» и другое).

Автор обнаруживает не более сильную способность суждения, чем его герои. Постоянно балансируя между ситуацией интеллектуального переживания и ситуацией психической трансформации, автор, как обладатель определенной способности суждения, то обнажает «мысль» (суждение), то прячет ее в психическом состоянии героя.

1. Аменицкий Д. А. Анализ героя «Мысли» Л. Андреева (К вопросу о параноидной психопатии) // Современная психиатрия. 1915. № 5. С. 29.
2. Арабажин К. И. Леонид Андреев: Критико-биографический этюд. СПб. : Общественная польза, 1910. 279 с.
3. Артсег. Владелец вещи, или Онтология субъективности : в 2 ч. / Научн. ред. С. Г. Чиликов. 2-е изд. Кундыш, 2020. Ч. 1. 432 с.
4. Баранов И. П. Андреев как художник-психолог и мыслитель. Киев : Издание книжного магазина С. И. Иванова, 1907. 86 с.
5. Ветловская В. Е. Способы логического опровержения противника в «Преступлении и наказании» Достоевского // Русская литература. 1994. № 4. С. 112. URL: <https://unis.shpl.ru/Pages/Search/BookInfo.aspx?Id=3291853> (дата обращения: 15.06.2022).
6. Карпов И. П. Авторология русской литературы (И. А. Бунин, Л. Н. Андреев, А. М. Ремизов): монография. Йошкар-Ола: Марево, 2003. 448 с.
7. Карпов И. П. Семантическое поле зрения (Творчество Л. Н. Андреева) // Вестник лаборатории аналитической филологии / гл. ред. И. П. Карпов. Йошкар-Ола : Мар. гос. педагогический институт, 2000. Вып. 1. 96 с.
8. Михеичева Е. А. О психологизме Леонида Андреева. М. : Моск. пед. ун-т, 1994. 189 с.
9. Осмоловский О. Н. Принципы познания человека Ф. М. Достоевского и Л. Н. Андреева («Преступление и наказание» – «Мысль») // Эстетика диссонансов. О творчестве Л. Н. Андреева: межвуз. сб. научн. трудов к 125-летию со дня рождения писателя / отв. ред. Е. А. Михеичева. Орел : Орловский гос. пед. ун-т, 1996. 160 с.
10. Фатов Н. Н. Молодые годы Леонида Андреева / предисл. и подгот. текста О. В. Володиной. Орёл : изд. Александра Воробтёва : Дом-музей Леонида Андреева, 2010. 271 с.
11. Шайкевич М. О. Психопатология и литература. СПб. : Тип. Ц. Крайз, 1910. 136 с.

Статья поступила в редакцию 01.07.2022 г.; одобрена после рецензирования 12.08.2022 г.; принята к публикации 19.08.2022 г.

Об авторах**Карпов Игорь Петрович**

доктор филологических наук, профессор, Марийский государственный университет (424000, Российская Федерация, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1), kip52@yandex.ru

Шкалина Галина Евгеньевна

доктор культурологии, профессор, Марийский государственный университет (424000, Российская Федерация, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1), gshkalina@mail.ru

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

1. Amenitsky D. A. Analiz geroya "Mysli" L. Andreeva (K voprosu o paranoidnoi psikhopatii) [Analysis of the hero of L. Andreev's "Thought" (On the issue of paranoid psychopathy)]. *Sovremennaya psikiatriya* = Modern psychiatry, 1915, no. 5, p. 29. (In Russ.).
2. Arabazhin K. I. Leonid Andreev: Kritiko-biograficheskii etyud [Leonid Andreev: Critical-biographical study]. SPb., Obshchestvennaya pol'za Publ., 1910, 279 p. (In Russ.).
3. Artseg. Vladel'ts veshchi, ili Ontologiya sub"ektivnosti: v 2 ch. Ch. 1 [The owner of the thing, or the Ontology of subjectivity: in 2 parts. Part 1]. Scient. editor S. G. Chilikov, 2-d ed. Kundysh, 2020, 432 p. (In Russ.).
4. Baranov I. P. Andreev kak khudozhnik-psikholog i myslitel' [Andreev as an artist-psychologist and thinker]. Kiev, Publication of S. I. Ivanov 's bookstore, 1907, 86 p. (In Russ.).
5. Vetlovskaya V. E. Sposoby logicheskogo opроверzheniya protivnika v "Prestuplenii i nakazanii" Dostoevskogo [Ways of logical refutation of the opponent in Dostoevsky's "Crime and Punishment"]. *Russkaya literatura* = Russian Literature, 1994, no. 4, pp. 112. Available at: <https://unis.shpl.ru/Pages/Search/BookInfo.aspx?Id=3291853> (accessed 15.06.2022). (In Russ.).
6. Karpov I. P. Avtorologiya russkoi literatury (I. A. Bunin, L. N. Andreev, A. M. Remizov): monografiya [Authorology of Russian literature (I. A. Bunin, L. N. Andreev, A. M. Remizov): monograph]. Yoshkar-Ola, Marevo Publ., 2003, 448 p. (In Russ.).
7. Karpov I. P. Semanticheskoe pole zreniya (Tvorchestvo L. N. Andreeva) [Semantic field of vision (Creativity of L. N. Andreev)]. *Vestnik laboratorii analiticheskoi filologii* = Bulletin of the Laboratory of Analytical Philology, Yoshkar-Ola, MarSPI Publ. house, 2000, issue 1, 96 p. (In Russ.).
8. Mikheicheva E. A. O psikhologizme Leonida Andreeva [On the psychology of Leonid Andreev]. M., MPU Publ., 1994, 189 p. (In Russ.).
9. Osmolovsky O. N. Printsipy poznaniya cheloveka F. M. Dostoevskogo i L. N. Andreeva ("Prestuplenie i nakazanie" – "Mysl'") [Principles of human cognition by F. M. Dostoevsky and L. N. Andreev ("Crime and Punishment" – "Thought")]. *Estetika dissonansov. O tvorchestve L. N. Andreeva, Mezhvuz. sb. nauchn. trudov k 125-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya* = Aesthetics of dissonances. About the work of L. N. Andreev: Inter-university collection of scientific works for the 125th anniversary of the birth of the writer, resp. ed. E. A. Mikheicheva. Orel, Orel SPU Publ. house, 1996, 160 p. (In Russ.).
10. Fatov N. N. Molodye gody Leonida Andreeva [The early years of Leonid Andreev], preface and text preparation by O. V. Vologina, Orel, Publ. house of Aleksandr Vorobtev, House museum of Leonid Andreev, 2010, 271 p. (In Russ.).
11. Shaikevich M. O. Psikhopatologiya i literatura [Psychopathology and literature]. SPb., Printing house of C. Kraiz, 1910, 136 p. (In Russ.).

The article was submitted 01.07.2022; approved after reviewing 12.08.2022; accepted for publication 19.08.2022.

About the authors**Igor P. Karpov**

Dr. Sci. (Philology), Professor, Mari State University (1 Lenin Sq., Yoshkar-Ola 424000, Russian Federation), kip52@yandex.ru

Galina E. Shkalina

Dr. Sci. (History of Arts), Professor, Mari State University (1 Lenin Sq., Yoshkar-Ola 424000, Russian Federation), gshkalina@mail.ru

All authors have read and approved the final manuscript